

МИР ИСКУССТВА

в доме на Потемкинской

Андрей Булах

**Мир искусства в доме
на Потемкинской**

«Центрполиграф»

2011

Булах А. Г.

Мир искусства в доме на Потемкинской / А. Г. Булах —
«Центрполиграф», 2011

«Если пройти от станции метро «Чернышевская» к Дворцу бракосочетаний, а потом миновать Дом малютки, то напротив входа в Таврический сад бросается в глаза живописный дом с островерхой крышей. На его фасаде находится мемориальная доска, оповещающая тысячи прохожих, что здесь жил народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин. Режиссер и киноартист В.Р.Гардин основал 1-ю госкиношколу в Москве, постепенно превратившуюся во Всероссийский институт кинематографии – знаменитый ВГИК. Он, можно сказать, отец советского кино... Принадлежность Владимира Ростиславовича и его жены Татьяны Дмитриевны Булах-Гардиной к миру театра и кино, увлеченность супругов коллекционированием определяли круг их общения: артисты, режиссеры, искусствоведы, литераторы, коллеги по собирательству предметов искусства посещали этот дом...»

Содержание

Вступление	6
Самый первый в кино народный артист СССР	8
Старый режиссер и актер	8
Гардин из рода Благодоровых[2]	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мир искусства в доме на Потемкинской

Составитель Андрей Булах

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Все о Санкт-Петербурге» выпускается с 2003 года

Автор идеи Дмитрий Шипетин

Руководитель проекта Эдуард Сироткин

Вступление

Если пройти от станции метро «Чернышевская» по прекрасному бульвару Фурштатской улицы к Дворцу бракосочетаний, а потом миновать Дом малютки, то напротив входа в Таврический сад бросается в глаза последний на этой улице небольшой живописный дом с островерхой крышей. На его фасаде, обращенном в сторону Потемкинской улицы, находится мемориальная доска, оповещающая тысячи прохожих, что здесь жил народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин.

Режиссер и киноартист В.Р. Гардин основал 1-ю госкиношколу в Москве, постепенно превратившуюся во Всероссийский институт кинематографии – знаменитый ВГИК. Он, можно сказать, отец советского кино. Угловой дом (Потемкинская ул., 9 – Фурштатская, 62) часто называют домом С.С. Боткина, профессора Военно-медицинской академии, известного собирателя произведений русского искусства. Коллекционером был и Гардин.

Принадлежность Владимира Ростиславовича и его жены Татьяны Дмитриевны Булах-Гардиной (по родству – моя тетя) к миру театра и кино, увлеченность супругов коллекционированием определяли круг их общения: артисты, режиссеры, искусствоведы, литераторы, коллеги по собирательству предметов искусства посещали этот дом.

Рассказать о своей семье и о наиболее интересных людях из ее окружения хотела сама Татьяна Дмитриевна. Замыслами она делилась с искусствоведом В.К. Шуйским и с хранителем семейных преданий Гардиных и Булахов – Кириллом Глебовичем Булахом, моим старшим братом. Тот и другой после смерти Татьяны Дмитриевны даже приступили к воплощению задуманного ею. Так появились первые наброски текстов, приводимых здесь. Однако и они ушли из жизни, не завершив начатого.

Я тоже давно собирался (по-своему, конечно) исполнить замысел Татьяны Дмитриевны, но мешали различные житейские обстоятельства. Внешним толчком для реализации моего намерения послужило наше с женой (Викторией Викторовной Кондратьевой) участие в праздновании 90-летнего юбилея ВГИКа 3–6 ноября 2009 года. Нас пригласили в Москву как людей, близких к В.Р. Гардину.

Его имя звучало, о нем говорили. Я понял, что он не забыт...

В этой книге две трети объема занимают выдержки из дневников Татьяны Дмитриевны.

О нем надо сказать особо. Предчувствуя близкую кончину, весь семейный архив (рукописи, письма, дневники Гардина и собственные) она просила не открывать в течение пятнадцати лет или сжечь, не читая. Срок запрета истек в 1988 году. Ценность ее записей – в поразительной искренности. Действительно, она писала только для себя. Кроме личностных переживаний и впечатлений они невольно во многом отражают общественные настроения и бытовой уклад в стране. Личное – это тоже частица общего. Полагаю, ее дневник – весьма любопытный документ ушедшей эпохи.

Мои благодарности. Прежде всего большое спасибо профессору Алевтине Петровне Чинаровой за приглашение меня и моей жены в Москву на торжества 90-летнего юбилея ВГИК'а, профессору Татьяне Николаевне Сторчак и особенно – молодой и прекрасной Елене Сибирцевой, окружившим нас в Москве своим вниманием и заботами. Именно эта поездка, в конце концов, побудила меня к созданию книги. Историк театра Вера Викторовна Сомина (Институт истории искусств РАН в Санкт-Петербурге), зная дневники Татьяны Дмитриевны Булах, сердечно поддерживала меня в моих творческих замыслах и много помогала мне в раскрытии деталей прошлого. Опубликование книги стало возможным благодаря издательской группе «Центрполиграф». Большую творческую помощь оказали мне редакторы Эдуард Яковлевич Сироткин и Владимир Николаевич Середняков, верстальщики Татьяна Шамаева и Елена Новгородских; все сотрудники редакции относились по-особому внимательно к работе

над подготовкой рукописи к ее изданию. В Центральном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге Егор Михайлович Кривда помог мне правильно оформить и передать на хранение материалы Гардиных.

Профессор СПбГУ

Андрей Булах

Ушли одни и умерли другие,
И только в вас, мои листы,
Живут друзья, желания, мечты,
Когда-то близкие, когда-то дорогие...
Какой бы малый след ни провела
На карте нашего огромнейшего века
Жизнь одного лишь человека,
А все же карта без него б была
Иной, чем та, что будет жить века!
Татьяна Булах

Самый первый в кино народный артист СССР

Старый режиссер и актер

Владимир Ростиславович Гардин – самый первый в кино народный артист СССР. Он получил это звание в 1947 году, умер в 1965-м. Давно...

Как представить себе В.Р. Гардина в движении, с мимикой, жестами, словом, в жизни?

Как артиста его легко увидеть в фильме «Иудушка Головлев» (компакт-диск продается в магазинах). Наверное, некоторым запомнился недавно промелькнувший на экране композитор Бах в его исполнении в фильме «Антон Иванович сердится». В коротком эпизоде он выходит из портрета на стене и с приветливой улыбкой говорит о своей любви к новой, но красивой музыке, отвергая шлягерные примитивы Керосина Керосиныча (гротескно сыгранного Мартинсоном).

Образ Толстого – лживого дипломата, жестокого истязателя – запоминается в нескольких эпизодах фильма «Петр Первый», его периодически показывают по телевидению. Также иногда проскальзывает на телеэкранах фильм «Дубровский». На мгновение в нем появляется князь Верейский – живой, подвижный, но холодный в своей приветливости – сыграно тонко, правдиво, абсолютно естественно. Здесь он неподдельный аристократ.

А в такой же верной роли слесаря Бабченко Гардин известен всем знатокам старого кино в одном из первых советских звуковых фильмов «Встречный».

Ф. Эрмлер и В. Гардин перед съемкой

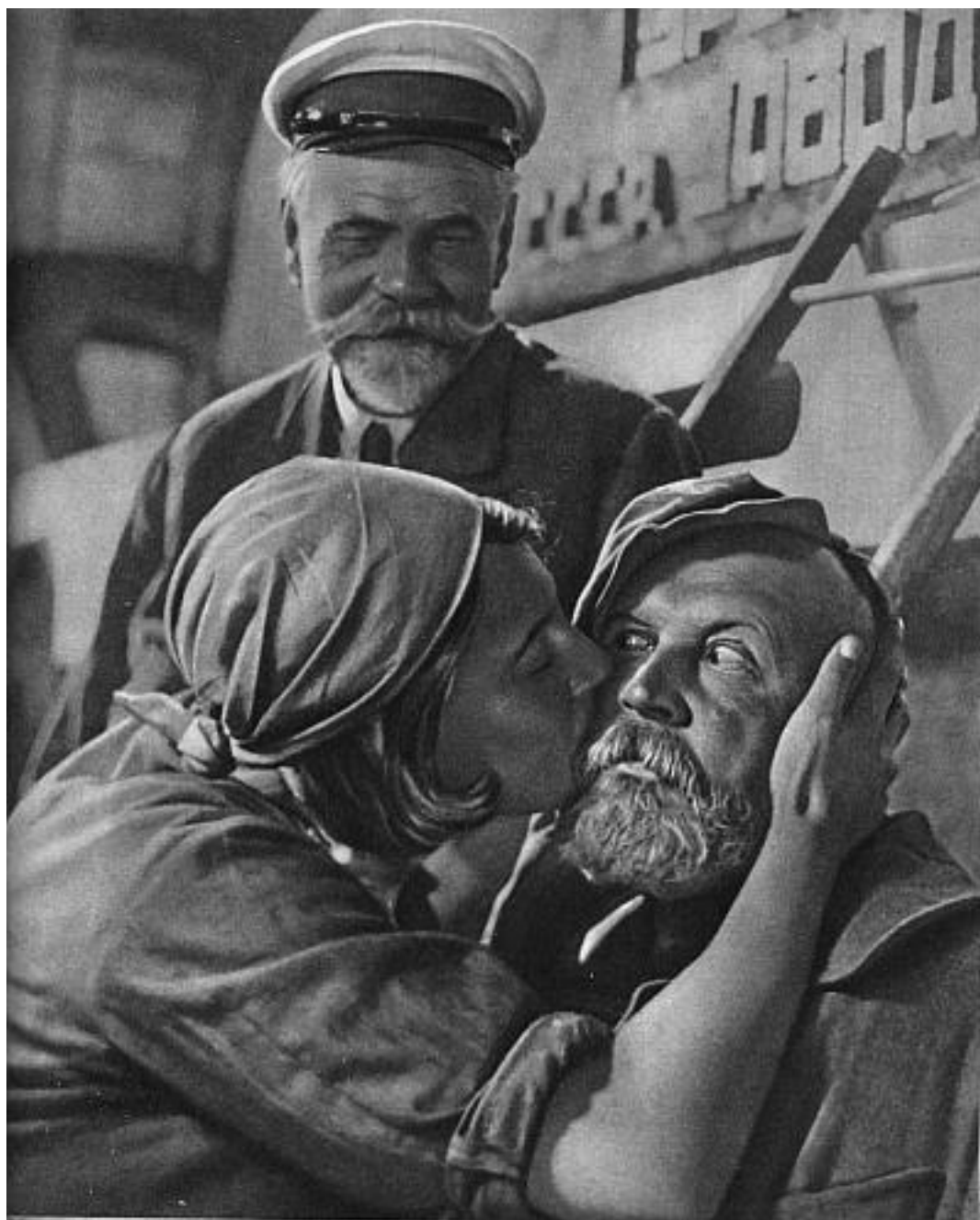
«Яркий характерный актер... – так пишет историк кино Р.Н. Юренев¹. – Однако вклад Владимира Ростиславовича Гардина в киноискусство, которому он отдал всю долгую жизнь, гораздо значительнее». И далее: «Он родился... за десять лет до появления кино, за двадцать лет до первого русского художественного фильма. Он скончался в глубокой старости... когда звуковое, цветное, широкоэкранное кино... неотторжимо вошло в жизнь... и через телевидение осветило каждый дом, каждый день...»

Старый артист, известный своим колючим характером, прямой и резкостью суждений, пристрастностью симпатий и разнообразием заслуг, пристально, ревниво следил за творческими свершениями учеников своих учеников, прославленных мастеров, годившихся ему во внуки. Была прожита длинная и нелегкая жизнь, знавшая и шумные успехи, и горестные неудачи, и несправедливые упреки, и неумеренные похвалы. Более полувека он отдал кино, пятнадцать лет – театру, лет двадцать – литературному труду.

Выходец из дворянской среды, он учился и в кадетском корпусе, и в Политехническом институте, был акцизным чиновником, но любил лицедейство, театр. Шаг с любительской сцены на профессиональную был сделан как-то просто и незаметно. И пошло мелькание городов, антреприз. Среди ролей были и Подколесин, и Федор Карамазов, и Иван Грозный, и Крогстад. А Норой была Комиссаржевская. В ее театре Гардин узнал первые триумфы. А потом – снова провинция: чеховский Иванов, Кречинский, Арбенин, Протасов... Много ролей и много самостоятельных постановок. Как интересный, вдумчивый режиссер Гардин и был приглашен в 1913 году в кинематограф. Вместе с известным уже режиссером Яковом Протазановым он поставил фильм по нашумевшему роману Вербицкой „Ключи счастья“.

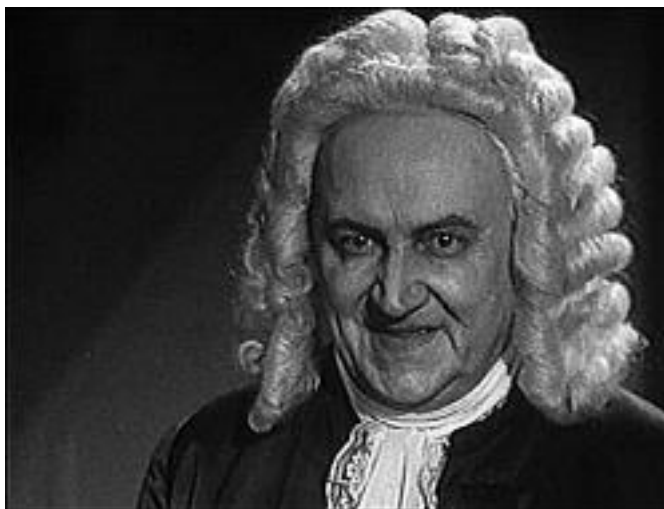
---

¹ Юренев Р.Н. Актер, режиссер, литератор. К 100-летию со дня рождения народного артиста СССР В. Гардина // «Советская культура». 18 января 1977 г. № 6.

Кадр из кинофильма «Встречный»

Вместе с Протазановым Гардин отважился даже на экранизацию „Войны и мира“... Имя Гардина получает широкое признание за картины „Анна Каренина“, „Крейцера соната“, „Дворянское гнездо“, „Накануне“, „Приваловские миллионы“, „Дикарка“, „Барышня-крестьянка“, „Мысль“ и „Дни нашей жизни“...

В. Гардин в роли Баха

...В 1919 году он делает два документальных фильма: „Похороны Свердлова“ и „День коммунистической молодежи“. В 1919 году экранизирует „Железную пяту“ Джека Лондона и возглавляет Государственную киношколу, позднее выросшую в первый в мире киновуз – ВГИК.

Это был неоценимый вклад в молодую советскую культуру. Студенты Госкиношколы под руководством Гардина создали и первый советский полнометражный художественный фильм „Серп и молот“ – о войне и революции, о голоде и продразверстке, о первых шагах социализма. Ученик Гардина Всеволод Пудовкин создал первый кинематографический образ большевика.

Умея распознать и выдвинуть талант, Гардин через несколько лет выдвинул еще одного крупного актера и режиссера: Евгений Червяков сыграл в фильме Гардина „Поэт и царь“ роль Пушкина. На фильм нападали. Гардина считали носителем дореволюционных традиций. И он действительно вносил в молодое искусство кино традиции русского искусства. Их сгоряча называли „дореволюционными“. Их вернее было бы назвать культурными традициями.

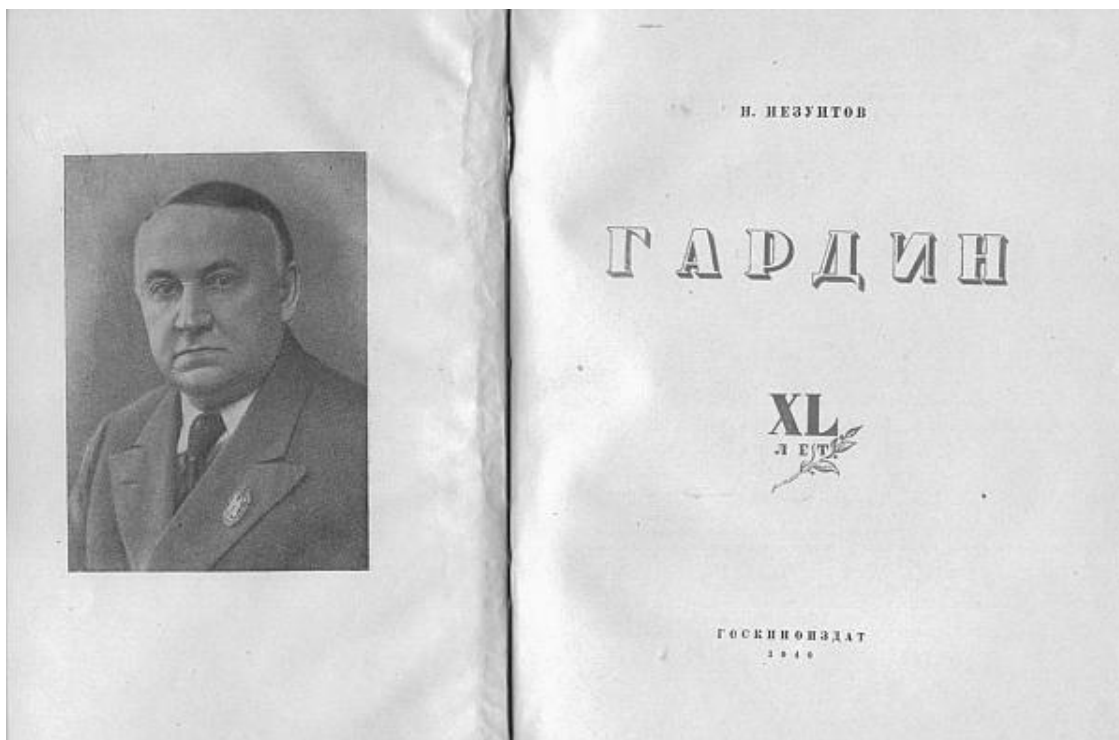
В. Гардин в роли Верейского

Первый Пушкин в кино – артист Е. Червяков

Эти традиции Гардин нес не только в русское кино. С образованием Советского Союза начала развиваться кинематография союзных республик. И старый русский артист щедро отдавал свои знания, опыт, мастерство сначала Украине („Слесарь и канцлер“ по пьесе Луначарского, „Атаман Хмель“, „Остап Бандура“), потом Белоруссии („Кастусь Калиновский“, „Песня весны“ по повести Якуба Коласа). Из русских картин Гардина следует назвать „Крест и маузер“ – увлекательный приключенческий фильм, „Особняк Голубиных“ – один из первых научно-просветительных фильмов.

Режиссерскую деятельность Гардин удачно сочетал с актерской. Начиная с 1929 года, он создает по четыре-пять ролей на разных студиях, у разных режиссеров – у Червякова („Города и годы“), Шенгелая („Двадцать шесть комиссаров“), Тимошенко („Снайпер“). Это сложные, реалистические характеры. Одним из первых киноактеров Гардин начал играть в звуковых картинах. Старая театральная закалка помогла. И когда Эрмлер и Юткевич неожиданно для всех поручили Гардину роль потомственного питерского пролетария Бабченко в фильме „Встречный“, актер блеснул свободным и гибким обращением с интонацией, тембром, словом. На удивление коллегам, старый артист ходил на Путиловский завод, дружил с рабочими-ветеранами, пытался работать на станке. Образ Бабченко вышел на редкость жизненным, сочным.

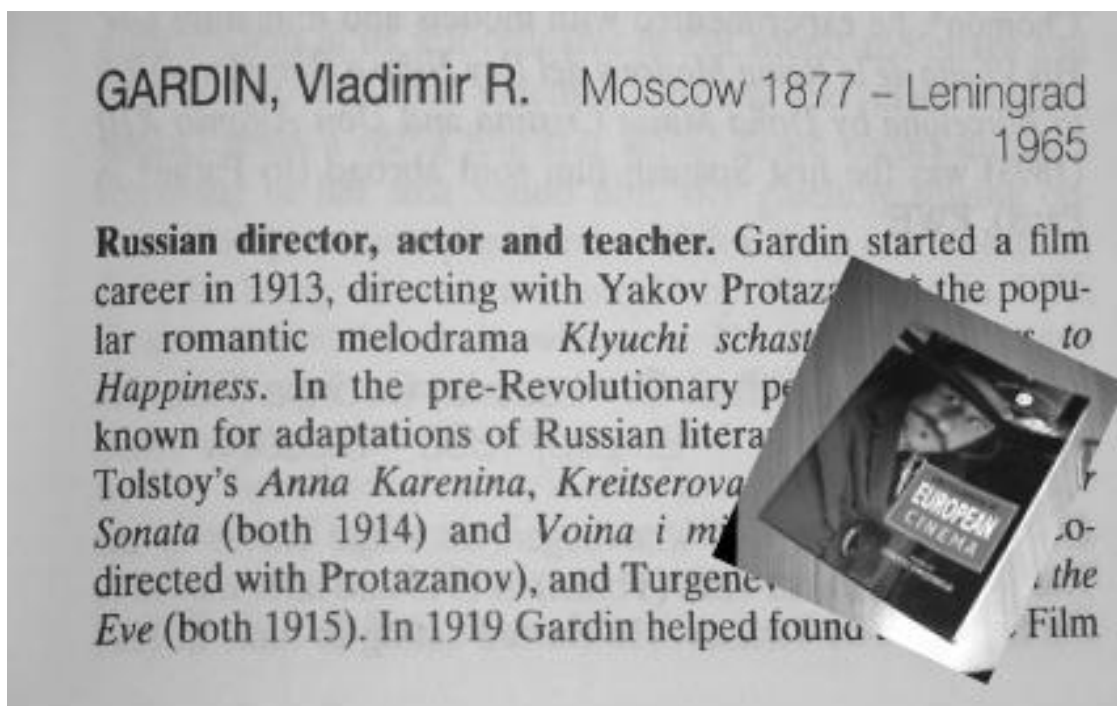
Н. Иезуитов. Гардин. XL лет.

И сразу же после Бабченко Гардин создал образ, полярно противоположный и по идее, и по внешности, и по сущности характера – Иудушку Головлева. ...Иудушка в исполнении Гардина стал рядом с Шейлоком и Тартюфом.

Лучшее из сделанного им за долгую трудовую жизнь навечно вошло в историю нашей культуры» – здесь я закачиваю цитировать Р.Н. Юренева.

Сам Гардин рассказал о своем времени и о себе в двух томах своих «Воспоминаний» (М., Госкиноиздат. 1949, 1952) и в книге «Жизнь и труд артиста» (М., Искусство. 1960). Есть две книги (Н. Иезуитов. Гардин. XL лет. М.: Госкиноиздат, 1940; В. Ждан. Народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин. М.: Госкиноиздат, 1951) и громадное число статей и других публикаций о нем. Среди них очень интересен очерк С.С. Кары в его же, Кары, книге «Вкус правды» (Л.: Лениздат, 1979. С. 117–175).

Полная фильмографическая справка о работах В.Р. Гардина приведена В. Жданом в книге из серии «Мастера советского кино»: Народный артист СССР Владимир Ростиславович Гардин (М., Госкиноиздат, 1951. С. 39–40).

Статья о В. Гардине в английской киноэнциклопедии

В общих энциклопедиях, в специальных справочниках и обзорах имеются статьи о Гардине. В октябре 2007 года в Швеции, в небольшом городе Фалун я пришел в библиотеку – просто посмотреть, как здесь «горит» этот очаг культуры. Библиотека оказалась обширной, просторной, с прекрасным оборудованием и электронным обслуживанием посетителей, со свободным допуском ко всему книжному и журнальному фонду библиотеки, с креслами и столами для удобной работы тут же, прямо у книжных полок, с большими комнатами для юных посетителей. На столиках и витринах лежали наиболее ходовые издания. На стеллажах с книгами о кино я обратил внимание на новенькую английскую киноэнциклопедию. И в ней нашел по алфавиту статью о Владимире Гардине. Он назван одним из основоположников советского киноискусства.

Владимир Ростиславович Гардин умер в 1965 году от старости после долгого недомогания. Он похоронен на Богословском кладбище. Чтобы в обычном смятении горя и непонятных хлопот быстро получить разрешение на это, брат предпринял авантюрный демарш: он вместе со мной прошел по своему партийному билету в Дзержинский райком КПСС прямо к секретарю райкома со словами: «В вашем районе скончался коммунист Гардин, лично встречавшийся с Лениным в Женеве и впервые снявший документальные кадры о нем на Красной площади в Москве. Нам надо получить вашу визу на просьбу о похоронах именно на Богословском кладбище». Через две минуты мы уходили с росчерком пера на нашей просьбе о «коммунисте» Гардине. Райкома давно уж нет, в фешенебельном особняке Кельха располагается «Дом юриста», место райкомовской столовой занял ресторан. А территория управления городского треста по похоронам, что была на Владимирском проспекте, тоже отдана под ресторан, он очень очень роскошен.

Место для могилы выбирал я, она находится на Петрокрепостной дорожке, в ее начале. Похороны были скромными и малолюдными. Из артистов запомнился только всеми любимый типажный киноактер А.М. Смирнов, он пришел и на Потемкинскую улицу на поминки. Могила была специально оформлена крайне скромно и лишь с указанием имени, отчества, фамилии, но позднее, по настойчивому совету кинорежиссера И.Е. Хейфица, пришлось положить снизу

небольшую мраморную доску «народный артист СССР». А потом рядом вырос громадный бронзовый памятник скульптору Симонову.

2 мая 2006 года, когда я вместе с женой пришел на Богословское кладбище, оказалось, что в апреле осквернили около ста могил – в разных местах кладбища надгробные памятники какие-то нелюди размашисто измазали тавотом. Этот вандализм коснулся и могилы Владимира Ростиславовича. Времени прошло немного, а потому мне удалось смыть тавот растворителями.

Город отпустил Богословскому кладбищу средства на устранение следов безобразия. Я подал необходимое заявление, смотритель заверил меня, что могила народного артиста СССР Гардина находится на особом учете. Представьте мое удивление и благодарность, когда в октябре 2010 года нам позвонили из администрации Бого словского кладбища и очень вежливо пригласили принять выполненные работы (ремонт ограды, укрепление надгробия и т. д.) и подписать соответствующий акт. Сделали как сумели. Спасибо им.

Могила В. Гардина на Богословском кладбище

Меня уже давно беспокоит мысль о том, что не случайно нам приходится хоронить всех порознь – так у детей и внуков легче стирается память о своих корнях, а управлять народом со смытым прошлым проще. У меня – восемь могил родственников в Петербурге на четырех кладбищах в разных местах. Как посетить их все, как уследить за ними? А есть еще могилы в Москве, Одессе, Канаде, Германии, Франции. Как собирать членов семьи на всех кладбищах хотя бы в Петербурге? Так рвутся связи с родителями и прародителями, так молодые люди отрываются от своих истоков. Уже стариками они начнут искать свое прошлое.

Быть может, скоро вовсе некому будет ухаживать за могилой Владимира Ростиславовича. Что станет с ней? Прямых потомков, видимо, нет: сын, Юрий Владимирович Гардин, исчез из жизни отца в годы блокады, отец был уверен в его смерти. Он так написал 8 июля 1944 года, в субботу, в своем дневнике:

«В столовой говорил с Бродянским. Он и Залман Соломонович Бриккер решили дело издательства моих трудов о кинематографии поставить на деловую ногу.

Концерт был в том госпитале, где выздоравливал Юрий. Печальные воспоминания! Я был там много раз. Он встретил меня в сером халате, худой, еле ковыляющий, сторбленный. Сидели летом во дворе. Карточки я передавал ему в окно. На моих глазах он поправлялся. Говорили о многом. Как он хотел, бедняжка, жить! Но самого себя побороть не мог. В меня не верил, потому что эту веру сам убил.

Я не разстался бы с ним (*так – через „з“* – А. Б.), если бы хоть на короткое время почувствовал какое-нибудь родство души... Но душа его была замкнута в своих переживаниях... И только в своих.

Он хотел эвакуации во что бы то ни стало. Много дней я устраивал ему ее. Жестоко он вел себя в эти дни... Но ведь он был больной, тяжело больной, смертельно больной – и телом и душой. А потому ему все прощительно. Я не мог почувствовать его судьбу, даром предвидения не награжден. Я помогал ему эвакуироваться. Значит, не зная, приближал его к смерти.

„Прощайте, мои добрые серые глаза“ – это его последняя просветленная фраза. Что он чувствовал, бедняга! – „Я погиб!“ – он говорил, когда не досчитался 1/2 кило хлеба. А у меня под рукой его небыло (*так – вместе* – А. Б.). Но погиб он не от этого. От судьбы! Как погиб? Не узнаю никогда, не узнаю... Разве только, там... Куда я пойду. Куда придут все. Если существует это „ТАМ“!.. Пожалуй, должна существовать новая форма жизни... Только мы ее не знаем... Но мы не знаем слишком много (*так, через „в“* – А. Б.)... Мы не знаем почти что ничего. И это незнание оправдывает меня, что я не создал условий, в которых Юрий мог бы оставаться в Ленинграде.

Он уехал 16 июля 1942 года. Нужно точно установить дату по дневникам Тани.

Прощай, мой милый мальчик, сын, мой единственный кусочек тела с моей кровью. Не суждено продолжить род Благоднаровых-Гардиных. Значит, это не нужно...

Прощай, друг Юрий, ты мог бы быть моим другом, но не хотел. Почему не хотел, я тоже не знаю... Прощай, Юрий! Вот уже через несколько дней [будет] два года, как о тебе нет никаких вестей. Значит, ты погиб! Если ты существуешь в иной форме, дай мне это хоть почувствовать, прошу тебя!»

11 февраля 1945 года Татьяна Дмитриевна записала в своем дневнике: «Вчера узнали, что Юрий Владимирович Гардин благополучно приехал три года назад в Паршино и все время работает на своем оптическом заводе».

Только вдруг и единожды Юрий Владимирович проявился, прислав из Алма-Аты телеграмму на Потемкинскую, когда узнал из газет о кончине отца. В телеграмме (она хранится в ЦГАЛИ в фонде В.Р. Гардина) звучали благодарность ему и дружественные слова в адрес Татьяны Дмитриевны. Затем Юрий Владимирович снова исчез.

9 июня 2010 года я нашел в интернете на сайте <http://lists.memo.ru> такие сведения о Ю.В. Гардине:

«Жертвы политических репрессий: Гардин Юрий Владимирович. Родился в 1905 г., инженер-испытатель цеха № 13, завод № 393 Министерства вооружений СССР. Проживал: Московская обл., Красногорск, Красная горка ул., 6. Источник: Книга памяти Московской обл. Замечания и вопросы просим присылать по адресу: 127051, Москва, Малый Каретный пер., д. 12. Общество „Мемориал“, проект „Жертвы политического террора в СССР“. E-mail pirs@memo.ru. Тел. 650-78-83, факс 609-06-94».

Гардин из рода Благоднравовых²

Очень часто неизвестное об известных людях становится явным лишь через многие годы после их ухода из жизни.

Прошло уже много лет после смерти народного артиста СССР Владимира Ростиславовича Гардина, но до недавних пор мало кто знал настоящую его фамилию – Благоднравов. Взятый еще в конце прошлого века сценический псевдоним стал официальной фамилией не только для его сына, жены, но и даже для отца – отставного подполковника Ростислава Федоровича Благоднравова. Старый гусар через ЗАГС принял эту фамилию после 1917 года. И был этот уход от родового, ничем не опозоренного имени данью страшному времени революционной борьбы с «проклятым» прошлым. «Подозрительную» и известную русскую фамилию заменила приемлемая для нового безнационального быта. Она если и не помогала, то хотя бы не мешала выживать, а в кинематографии прославилась.

В. Гардин с Т. Булах-Гардиной в квартире на Потемкинской. В руках у Гардина статуэтка работы В. Лишьева. 1945 г.

Последний раз В.Р. Гардин снимался в 1950 году в фильме «Секретная миссия». Было ему уже за семьдесят, и совмещать съемки с работой над воспоминаниями, задуманными еще до войны, стало трудно. Первую книгу удалось издать через четыре года после Победы, вторую – еще через три года, а третья осталась в рукописи. В 1956 году болезнь свалила Владимира Ростиславовича, а подняться уже не удалось. Работу закончила Татьяна Дмитриевна Булах (Гардина), бывшая соавтором своего мужа.

Татьяне Дмитриевне пришлось трудиться не только над рукописью. Вместе с врачами ей удалось подарить Гардину еще девять лет жизни. Дни и недели полубессознательного состояния сменялись часами и днями просветления, пробуждением интереса к телевизионным передачам, а иногда даже – способностью совершать небольшие прогулки на автомобиле. Нечасто,

---

² См.: Кирилл Булах. Гардин из рода Благоднравовых // «Ленинградская панорама». 1991. № 3. С. 26 – 28.

но случались дни, когда Владимир Ростиславович мог читать и диктовать, работать над рукописями.

Умер Владимир Ростиславович – народный артист СССР, трижды орденосец и кавалер гордой медали «За оборону Ленинграда» (Героев Социалистического Труда в его годы артистам еще не давали) – на восемьдесят девятом году. Татьяна Дмитриевна умерла через восемь лет – 13 мая 1973 года. Она тоже прошла блокаду, была актрисой театра и кино, верной помощницей в трудах своего знаменитого мужа. Перед смертью, скорую неизбежность которой она предчувствовала после тяжелого инфаркта, Татьяна Дмитриевна просила меня сохранить оставшиеся у нее рукописи, письма и дневники Гардина, не открывая их в течение пятнадцати лет, или сжечь сразу, не читая.

Прошли указанные сроки, и я счел себя вправе прочесть их.

Бумаг этих оказалось не так уж и много. Собранные в довоенные времена Владимиром Ростиславовичем папки с афишами, рецензиями, театральными справочниками, многочисленными фотографиями Татьяна Дмитриевна сдала в отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки. Остались все ее дневники и несколько начатых, но не доведенных до развязки рассказов из жизни Гардина разных лет, а также записи о событиях периода блокады и первого послевоенного года, наброски повести о его сыне Юрии Владимировиче, погибшем (как он считал) при переправе через Ладогу в 1942 году. Не по литературному жестоки его обрывочные описания блокадной зимы, госпиталя для дистрофиков, где лежал его сын.

...Среди бумаг, оставшихся после Владимира Ростиславовича, было довольно много разрозненных, разноформатных листков, бессистемно вложенных в совершенно другие, безобидные по смыслу записи. Когда я сложил их в отдельную стопочку и расшифровал, то понял, что в ежовские и даже в брежневские времена хранить их вместе было безрассудно.

Но мысли его, определенный душевный настрой не могли не повлиять на близких ему людей. Самый же близкий человек – жена Татьяна Дмитриевна. Ее понимание окружающего было еще более болезненным. Она сполна прочувствовала голод, холод первых послереволюционных лет, расстрелы близких, распад культуры, стирание из человеческой памяти прошлого.

Т. Булах-Гардина

Гардин размышлял и писал философские рассуждения об окружающем, а Татьяна Булах писала страстные стихи. Опубликовать их в те годы было нельзя. Да и просто показать их кому-нибудь было страшно. Хранились они разрозненно, на отдельных листочках. Осторожный Гардин к наиболее опасным стихотворениям предусмотрительно делал «маскирующие» приписки. Так, к названию стихотворения «Узники», написанном в 1932 году, рукой артиста было приписано «в фашистской Германии». Такое «уточнение» стоило сделать:

Тюрьма для душ страшней тюрьмы для тел.
И этот ужас – наш удел.
В застенках сердца ненависть растет,
Упорная, как терпеливый крот.
Все роет, роет... Нет уже угла,
Где б эта ненависть следа не провела.
Но все молчим, а в горле слов комок
Сливается в тугой, затянутый клубок.
И в сокровенной, черной глубине,
На медленном, негаснущем огне
Проходит любящий, внимательный закал
Наш друг единственный – негнувшийся кинжал.
Нам только он блестящим лезвием

Порою освещает дом,
И в нем одном отражено
Души клокочущее дно.

Молчание становилось все более гнетущим, а после убийства Кирова – вообще невыносимым. Борьба против «врагов народа» обернулась страшной стороной духовного убийства их детей. Сталинская формула «сын за отца не отвечает» вылилась в частые отказы детей от родителей, заподозренных партией, в душевные трагедии только начинающих жить мальчишек и девчонок.

В. Гардин

Подобная трагедия произошла и в моей жизни. Отца из партии исключить не могли, потому что он был беспартийным. И в газетах о нем ничего не писали. Появилась, правда, восторженная статья о первом советском железобетонном доке и его творцах, не называвшихся в статье по именам, совершивших трудовой подвиг во славу «великого зодчего». О том, что главный инженер и одновременно начальник строительства – мой отец Глеб Дмитриевич Булах – в эти дни арестован якобы за вредительство, в статье, конечно, не сообщалось.

В троцкизме моего отца обвинить было трудно. Но следователь добивался признания отца в принадлежности к какой-либо контрреволюционной организации. Методы тех расследований теперь стали хорошо известны, так что неудивительно, что отец сам искал эту «принадлежность» и, наконец, признался, что до революции был кадетом. Он действительно в детстве

прошел полный курс обучения в Николаевском кадетском корпусе, готовившем своих выпускников к обучению в военно-инженерных училищах. И следовательно с чистой совестью мог написать в протоколе, что арестованный признался в принадлежности к партии КД (Конституционных демократов), в просторечье членов ее называли «кадетами». Поэтому одноклассники не имели морального права звать меня сыном троцкиста. Но клички «вредитель» мне избежать не удалось.

Следствие по делу отца тянулось полтора года³. Ежова за это время сменил Берия. Помог и систематический нажим Гардина, не боявшегося ходатайствовать об отце. Моего отца осудили всего на пять лет, выслали в Казахстан, где он работал главным инженером на строительстве моста через реку Или. А после конца срока высылки он даже смог надеть военную шинель: в звании рядового, с трехлинейной винтовкой в руках руководил строительством участка одной из военных дорог в Иране. Отправить его на германский фронт сапером все-таки не разрешили, как и не присвоили даже сержантского звания доценту и кандидату технических наук.

В конце июля 1939 года Гардин предпринял попытку ведения дневника. Листки, исписанные каллиграфическим почерком, имели название «Жизнь или раздумья сумасшедшего». Так он, вероятно, пытался обеспечить себе какое-то оправдание, если бы кто-нибудь из «органов» разложил по порядку вырванные из амбарной книги и разбросанные как попало листы. Гардин писал:

«Начинаю первый в моей жизни дневник. Хочу назвать его дневником моих мыслей, потому что событий и происшествий так много, что, пожалуй, их все не запишешь. Да и без меня на это люди тратят тонны бумаги. Ну и врет же эта бумага, особенно – газетная! Но от нее, по крайней мере, есть хоть одна несомненная польза – ее утилизация. А что делать с ложью по радио! В какую фановую трубу ее девать!

К мыслям о человеческой лжи я буду часто возвращаться. Вот уж действительно стоголовая гидра, с которой трудно будет сражаться. Но попробовать нужно: интересно – я ведь фехтовальщик.

Хочу печататься. Пишу и собираю материалы о себе. Очень много набралось папок с записками и фотографиями. Жизнь, слава Богу, большая.

...Гитлер вместо Бога говорит: „Провидение“. Об этом мы слышали недавно, когда, подружившись, стали печатать его речи. Провидение, конечно, было печатано с маленькой буквы. В знак недостаточного почтения.

Я уклоняюсь выражать неуважение и непочтение философским символам, которые еще не отвергнуты человечеством, по той простой причине, что никто еще не доказал отсутствия в нашем бесконечном мире Провидения. Может быть, Бесконечность и есть Провидение! Поэтому я смело пишу с больших букв эти замечательные и непонятные слова (у нас в названии „Комитет по делам кинематографии“ стараются все слова писать с больших букв, а председателя – тем более! Эти слова понятны. Почет и уважение оплачиваются. Подхалимство – самая модная и самая заразительная болезнь».)

Примерно через два месяца, когда шла уже война в Польше, Владимир Ростиславович записал настолько крамольные мысли, что из-за них, видимо, и разброшюровал тетрадь набросков:

«Изумительно объединение мельчайших телесных частиц, ощущаемых и управляемых внутренней силой – духом. Временно ослабляется и частично выключается эта сила во сне. Перерождается или уничтожается (что из этого верно, человеку неизвестно) ощущение жизнен-

---

³ Все потом будет рассказано самим Глебом Булахом в его «Записках инженера» во второй книге – «Радость жизни. Тюрьма» (СПб, 2008).

ной силы в смерти. Сохранение внутренней силы и управление ею дают долгую жизнь. Следовательно, самоуправление – вот стимул продолжительности жизни!

Основа самоуправления – это дух.

Невидимая наличность духа – это аксиома, то есть положение, не требующее доказательств. Поэтому все философские системы, не признающие материалистически существования самоуправления, ложны! Ложь эта необходима, чтобы оправдать действия так называемой материалистической системы управления.

Коммунизм утверждает материализм и является пропагандой насилия. Мне – все. Вам – ничего (или очень мало). Признающие такой образ жизни стремятся захватить власть повсюду.

Власть – это насилие. Во все века и теперь – тоже. Сравните жизнь „Кремля“ с обычной жизнью советского гражданина – и вы увидите, что такое „все“ в сравнении с „очень малым“, вы почувствуете во всем наличие насилия – все его положения, отвергающие рекламируемые „Кремлем“ свободу, равенство, братство. При коммунистическом управлении эти утверждения выключаются и с успехом заменяются принуждением, неравенством, притворством. То есть заменяются ложью! Ложь повсюду: в каждом произносимом и печатаемом слове! Эта ложь уже уничтожила миллионы жизней, сопротивлявшихся грабежу. Смерть сопротивлению! Полное уничтожение! Это – путь к власти.

Экспроприация (ограбление) экспроприаторов (что-то имеющих) – вот слова и манифест насильников. А все остальное – ложь!

Но „ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами“ и „слово – серебро, а молчание – золото!“. Молчи же и познавай только величие и силу Вселенной. Возражать некому!

Ничтожно у нас количество людей, оставшихся живыми, которые знают эти правдивые слова о натуре насильников, и по праву молчат... кто палку взял, тот и капрал...

Право – это классификация отдельных моментов поведения человека, наносящего ущерб или могущего нанести его тем основным теоретическим установкам организации насилия, которые сочиняются „спецами“ этого творчества по заданию диктатора или диктаторов. „Спец“ выполняет это задание более или менее удачно, приспособляясь к текущим моментам, оглядываясь очень часто по сторонам и в лицо своему (или своим) хозяину (хозяевам). Вот почему так называемые законы, кодексы – это просто сборники кабинетного творчества спецов-юристов, по большей части компилятивного качества, которые так часто на нашей планете изменяются, отменяются, выворачиваются и переворачиваются.

Люди, не изжившие свою звериную природу, руководствующиеся насилием, грабежом, убийством сильными и вооруженными слабыми и безоружными, до сих пор свои споры разрешающие только взаимным уничтожением, эти насильники, захватившие власть, по-разному приходясь к своим рабам, диктуют законы и создают кодексы... Право эфемерно.

[illegible]

Автограф В. Гардина

Мировоззрение. Все теории мы строим, конечно, для себя. Возникая в нас, теории переключаются на других.

Теория и практика должны разбегаться не более чем в мировом масштабе, но инерция обыкновенно хлещет дальше, загоняя творца теории в неисследованные пространства эфира. Такой необозримый охват напоминает о необходимости одернуть увлекшегося теоретика, и тот спешит страусиной позой замечтавшегося скрыть пренеприятный запах, распространяющийся из-под его хвоста. А это – запах пещерного человека-зверя, расправляющегося дубинкой со своими врагами из-за каждого слагаемого, входящего в крайне усложненную историей таблицу наипростейших благ. Эти блага, это меню из вкусных блюд жизни имеет громаднейшую литературу, словари и справочники, сложнейшие правительственные аппараты, защищающие эти „культурные завоевания“.

На деле же – тот же самый кусок мяса, который дикарь до сих пор рвет руками, у теоретиков имеет бесчисленные названия в поваренных книгах, украшается художественными виньетками, а практики-повара устраивают из обыкновенной пищи произведения искусства. В итоге же все ухищрения, действующие возбуждающе на наши органы чувств, мало изменяют качественный состав пищи, одинаково переваривающийся в желудках дикаря и просвещенного европейца.

Кому нужна эта кухня? Зачем этот жареный кусок мяса, проходя через кулинарные ухищрения, принимает почти фантастические наименования? Почему простые и простейшие потребности человека укрываются томами сложнейших теорий? Почему всякое властвование прикрывается дымовыми завесами обожествления власти?

Всякий вождизм стремится создать ритуалы обычно магического качества, чтобы подпереть своего вождя всерьез и надолго. „Грабь награбленное!“ – лозунг простейший, который почти не требует разъяснений. Второе слово в нем – награбленное – это уже от лукавого, от „теории“, от „кухни с приправой“. Во все революционные времена оно приклеивалось вначале, но немедленно отрывалось, когда при грабежах приходил аппетит. Во времена следовавшего за переворотом просперити этот вульгаризм ужасно шокировал. Он ведь контрреволюционен, поскольку неудобно вспоминать о веревке и наступать сапожищем на мозоль.

И вот на помощь спешит изощреннейшая кухня – диалектика. Вертела теоретиков жаривают куски обыкновеннейшего мяса, в лакейском экстазе обожествляя их. Все искусства наперебой стараются доказать божественную фактуру этих кусков, но мясо остается мясом, водка же – водкой, а не нектаром.

К чему этот обман! Ясно: для того, чтобы подольше жевать вкусные кусочки и куски диктатуры – власть...

Не является ли следствием этого желание ничему уже абсолютно не верить, ничто не принимать за аксиому, все нагромождения теорий, всю культуру брать на пробу: нет ли здесь реакции на насилие!

И первое, что необходимо взять на пробу, – это теория о классах, о социальном неравенстве, которое будто бы когда-то должно стать равенством, уничтожив классы...»

Владимир Ростиславович к концу 1939 года уже был готов писать автобиографическую книгу: все необходимое собрано, приведены в систему воспоминания о театральной и кинематографической работе, составлен развернутый план и сделано множество набросков отдельных эпизодов. Надо садиться за рукопись. И тут его на седьмом десятке лет жизни вдруг одолевает гамлетовский вопрос.

«...Если человек долго засиделся на этой планете, то что он может рассказать юным путешественникам по нашей земной поверхности? И почему именно юным!

Старые жители (аборигены) вряд ли будут его слушать. Они сами любят рассказывать, никого не слушая и все забывая. Они тоже засиделись... Сами все знают... А если и не знают, то не любят поучений... Ворчливы и трусливы.

Для пожилых с хорошим характером рассказы эти – „на сон грядущий“; для плохого же желудка лучше карболен, то есть средство от кишечного дискомфорта, а не размышления о жизни.

Людам среднего возраста почти всегда слушать некогда: время – деньги!

...Слушать будут лишь те, кому еще интересна эта жизнь, кто хочет в ней покувыркаться. Физкультура – для молодежи!

Только будет ли ей интересна моя жизнь?»

Решить этот вопрос Гардин смог только после войны, когда вплотную начал работу над своими воспоминаниями.

Война пришла на нашу землю, когда Владимиру Ростиславовичу было уже шестьдесят четыре года. Но и в этом он сполна познал все ужасы современной машины уничтожения людей. Ему, пережившему Первую мировую и Гражданскую войны, было очевидно: в июне 1941 года война сразу и непосредственно коснулась всей массы соотечественников. Эта война Гардина испугала:

«О страхе писали многие, и все переживали это тягостное чувство, конечно, каждый – по-разному, по-своему. Я был далеко не из храброго десятка, и с детства мурашки бегали по моему телу, кровь если не застыла в моих жилах, то часто переменила свой таинственный ритм, когда опасность для жизни становилась или реальной, или возможной.

А тут – война!

С затаенной радостью сообщающих первыми о необычайном событии звучали детские голоса Кирюши, моего племянника, и его друга Леши:

– Дядя Володя! Германия на нас напала! Война!

И дни и дела, чувства и мысли закрутились, поскакали, сбивая друг друга, наворачиваясь друг на друга, как кадры плохо смонтированной кинематографической ленты в последнем сеансе, сверх программы. Посыпались речи и воззвания. Началась спешная мобилизация. Вести с фронта стали приходить, одна печальнее другой. Собирались на митинги...

На киностудии „Ленфильм“ режиссер Фридрих Эрмлер читал по бумажке горячие слова – очень тихим голосом...

Все ждали выступления вождя.

Через несколько дней он объяснил, что наша Красная Армия отступает только потому, что коварный враг напал без предупреждения, что мы не успели развернуть свои силы. Войну он назвал Великой Отечественной!

Гитлер начал наступление на Россию в тот же день, как и Наполеон в 1812 году. И так, через 129 лет история повторяется. Наполеон – Гитлер. Карикатуры, плакаты. Их было много и тогда, но теперь все стены домов заклеены ими, а все окна – бумажными крестами, звездами, палочками, ромбами, будто бы предохраняющими от разбития. Вся эта защитная графика – плакатная, газетная и оконная – рябит в глазах. Мысли путаются от противоречивых лозунгов и высказываний.

Сначала заговорили вожди.

Гитлер все сказал в своей книге „Майн кампф“. Как сказал, так и сделал.

Наши основы – драться на территории противника, быть самыми наступательными из всех наступательных армий и достигать победы малой кровью – опрокинула сила немецкого оружия в самом начале войны. И тут появился прямо противоположный лозунг: защищаться на своей земле и, отступая, уничтожать все. И так, вместо разгрома вражеской территории – ликвидация своей собственной. Диалектика!

„Наше дело правое – мы победим!“ – воскликнули многие вожди. Гитлер, Муссолини, Сталин, лорд Черчилль! Рузвельт загорелся от возможности торговать оружием, а японский император стал пристально наблюдать за событиями, чтобы сделать соответствующие выводы об Индо-Китае, Сахалине, Дальнем Востоке.

Кого же история посадит на щит? Трое против трех! Действие равно противодействию – закон вселенной. Тот самый закон, не дающий возможности восторжествовать утопическим теориям, какими бы материалистическими фиговыми листками они ни прикрывались. Все для власти! „Веревочка! Давай сюда и веревочку!“ В хозяйстве властолюбцев все пригодится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.